

В третьей части «Коммуникативное пространство эмоций» внимание читателя фокусируется на трех базисных, недостаточно исследованных до настоящего времени проблемах – эмоции в межличностном и институциональном общении, эмоции в игровой коммуникации, эмоции в лингвокультурологическом аспекте. Автор проводит анализ использования различных видов эмотивов в политическом, научном, медиальном дискурсах, а также в художественной коммуникации, что позволяет сделать вывод о том, что эмоциональность как психологическая категория, трансформирующаяся в эмотивность как категорию лингвистическую, присуща любому типу человеческого общения. Дискуссионным, на наш взгляд, является суждение В.И. Шаховского о том, что научный текст, научный дискурс эмотивен (с. 269 – 270). Представляется, что выделенные В.И. Шаховским признаки (компоненты) эмотивного текста не могут быть в полной мере обнаружены в научном тексте / дискурсе. Трудно, к примеру, представить себе речевой жанр монографии, автор которой использует коннотативы и, в особенности, аффективы. Следовательно, в текстах этого жанра компоненты / признаки эмотивности реализуются лишь частично. Свое мнение В.И. Шаховский аргументирует тем, что адресант – составитель научного текста – в человеческом плане может быть эмоциональным, его интенции могут быть также эмоциональными. Это, безусловно, так, но в данном случае речь идет о неязыковых компонентах эмотивного текста, выделенных автором книги. Думается, что текст, претендующий на его отнесение к эмотивному, должен удовлетворять как экстралингвистическим, так и собственно лингвистическим критериям.

Важное место в книге В.И. Шаховского занимает обсуждение феномена языковой игры, коррелирующего с эмоциями. Ученым выявлены формы и средства реализации языковой игры – межязыковая омофония, концептуальные, лексические и синтаксические бленды, малапропизмы, антитранскрипция, звуковая транспозиция и др. На обширном русско- и англоязычном материале показано, какие стандарты и штампы языковой игры существуют, как реализуется ее стратегия, каков ее статус в эмотивных речевых актах.

По справедливому замечанию В.И. Шаховского, до недавнего времени эмоции в лингвокультурологическом аспекте редко освещались в науке о языке. Этот пробел теперь восполнен благодаря работам В.И. Шаховского и его многочисленных учеников. Ученый исходит из предпосылки, что существует инвариантное эмоциональное смысловое поле, которое кодируется и воспринимается в лексических и фразеологических знаках языка (с. 288). Кодирование и декодирование этого эмоционального поля в разных лингвокультурах не полностью совпадает. Эмоциональный компонент коммуникации этноспецифичен. Отсюда делается вывод о необходимости обучать этому компоненту изучающих иностранный язык. Обучать следует, по В.И. Шаховскому, как вербальной, так и невербальной форме межкультурной коммуникации.

В рецензии мы остановились на основных, по нашему мнению, заслуживающих внимания ученых положениях эмотологии. Читатель, безусловно, найдет еще много интересного и полезного в монографии В.И. Шаховского «Лингвистическая теория эмоций». Мы поздравляем Виктора Ивановича Шаховского с изданием монографии и ждем от известного автора дальнейших интересных и содержательных научных трудов самых различных жанров.

В.И. ШАХОВСКИЙ
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ В.Б. СМИРНОВА «ЖИТИЕ СВЯТОГО ГЛЕБА» (Волгоград: Издатель, 2008. 416 с.)

*Он создал свое царство, в котором
не было насилия, унижения,
несправедливости, царство любви
к ближнему, беззлобия, достатка,
созданного праведным трудом, а
не насилием отобранного
у собрата. И в этом царстве
он обрел блаженство.*

В. Смирнов

Перед нами – пример трудоемкого, но в то же время доставляющего огромное удовольствие чтения. Книга настолько многопланова, с таким ниагарским водопа-

дом информации и глубоких историко-философских размышлений, что сразу становится понятно: она не для массовой аудитории. По числу ее читателей можно будет исчислять количество интеллектуалов в сегодняшней России.

Книга В. Смирнова – пример увлекательного чтения. Теперь, когда я прочитал эту книгу, я полностью осознаю величие подвига и титанического труда ее автора – В.Б. Смирнова, подвига по возвращению имени Г.И. Успенского в нашу память, а его книг – в нашу смутную реальность. Название романа В. Смирнова обманчиво. С детства мы знаем слова «житие», «святой», многие из нас знают, что среди святых есть и святой по имени Глеб, и первый взгляд на обложку книги В. Смирнова не вызвал у меня интереса к ее содержанию. Сам я не святой и ни с одним из святых не знаком, да и окружают меня на протяжении всей жизни далеко не святые. Так о каком святом здесь идет речь? О писателе XIX в. Г.И. Успенском – современнике Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского и других выдающихся писателей.

Все эти имена со школьных лет у нас в прочной памяти, но имени Г.И. Успенского в ней, как правило, нет. Именно поэтому выход в свет романа «Житие святого Глеба» В. Смирнова должен восприниматься как настоящий нравственный урок современному читателю от автора и героя этой книги. Это высокий урок преданности своему делу «глаголом жець сердца людей», урок верного служения своей многострадальной отчизне (она была многострадальной в 1860-е – начале 1900-х годов и, увы, продолжает оставаться такой же в настоящее время).

Это многожанровое произведение. Прежде всего это роман-воспоминание, а также в значительной степени художественное произведение, ибо в нем есть и диалоги, и описания природы, и романтические сцены (см., например, любовные письма Успенского к Бяшечке – своей будущей жене, сцены преследования Успенского женскими персонажами). Кстати, к художественным достоинствам романа В. Смирнова относится и повествование о похождениях Г.И. Успенского, о его интересе к «дамскому вопросу». Незабываем эпизод о том, как в период писательских неудач и начавшихся проблем со здоро-

ьем (в конце 19-го столетия) Г.И. Успенский в «ресторации» не мог оторвать взгляда от женской туфельки. С большим юмором В. Смирнов описывает владелицу этой туфельки, «оприкрашенную грошевой бижутерией» «мамзель», которая также не сводила взгляда с Успенского и утром оказалась в его гостиничном номере свернувшейся «в первозданном естестве» на короткой софе. Юмор состоял в том, что рассказчик, от лица которого В. Смирнов передает нам всю хронику жития Г.И. Успенского, «не мог вспомнить, воспрепятствовал ли он ей». Обратите внимание, как изящно В. Смирнов обошел без всякого смакования деталей описание интимной сцены.

Книга отличается богатством палитры стилистических средств: эпитетов, сравнений, метафор, экспрессивных поэтических вкраплений, литературных аллюзий и интекстов. Автор явно креативно обращается с языком, владеет методикой игры с ним, поэтому в романе много примеров удачных художественной игровых новообразований. Автор красочно, образно и с большим эстетическим вкусом рисует как отдельных персонажей романа (Тургенева, Михайловского, Достоевского, Салтыкова-Щедрина и др.), так и обобщающий образ – умирающую усадьбу друга Успенского, саратовского помещика. Роман изобилует образными картинками деревенского быта, значительно уступающего жизни Петербурга и Москвы.

«Житие святого Глеба» – это и исторический роман, роман-хроника. В нем ярко, наглядно описываются исторические судьбы России (крестьянства, народной интеллигенции, хождение в народ народолюбцев) с хроникальной точностью до 1861 г. и после него (это – дейктический знак, точка отсчета хронотопа – исторической компоненты романа В. Смирнова) вплоть до кончины Г.И. Успенского. Автор проследживает динамику его творчества, его взглядов, его общегражданских стремлений к обустройству крестьянской жизни в России. В. Смирнов подробно описывает писателей – современников Г.И. Успенского с их взаимоотношениями и борьбой друг с другом, с их народолюбческими порывами.

На хроникальную точность описываемых сведений указывают многочисленные даты тех или иных событий в России (тай-

ные сходки народовольцев, отмена крепостного права, появление лжепринцев, зарождение капитализма в России, закрепление частной собственности и связанные с ним кровавые муки, «замышления» убийства царя, соперничество литературных журналов и т.д.). Отметим большое количество реальных имен людей различных сословий из окружения Г.И. Успенского (например, народовольцев Михайловского, Гайдебуква, Курочкина, Фигнер и др.). Реалистично выглядят сцены прогрессирования болезни Г.И. Успенского, в связи с которой в романе упоминаются реальные персонажи – врачи-неврологи и психиатры (Б.Н. Синани, Степанов, специалисты лечебницы Фрея и др.). Именно наличие реальных дат, событий, имен делает этот роман также и хроникальным.

Уникально в произведении В. Смирнова описание сцены встречи крестьян с Лжеконстантином, в роли которого выступал довольно необычно, даже авантюрно сам Г.И. Успенский. Можно назвать еще один маркер (признак) хроникального жанра – воспроизведение в романе дневников Ивана Силыча Харламова (от лица которого ведется повествование в романе), в них он со скрупулезной тщательностью врача описывает прогрессирующую болезнь Успенского и ее приступы. И делает это он с хроникальной точностью, с указанием не только года, но и месяца и дня проявления симптомов заболевания. Эти дневниковые записи даже выделены графически, курсивом и являются удачным стилистическим приемом – приемом выдвижения, т.е. помещения в фокус внимания читателя наиболее трагичных моментов жизни Успенского.

Рецензируемый роман воспоминаний во многих местах может быть назван публицистическим и научным исследованием. Особенно это касается тех глав романа, где В. Смирнов через своего субститута И.С. Харламова проводит и глубокое научное исследование идеологии и концепции журнала «Отечественные записки», содержания его публикаций и взглядов авторов, особенно обращая внимание на центральную проблему: как организовать свободное крестьянство после отмены крепостного права.

В этом исследовании автор раскрывает роль главного редактора «Отечественных записок» М.Е. Салтыкова-Щедрина

в формировании и поддержании идейной направленности журнала, в преодолении попыток некоторых писателей подвергнуть ее деформации в угоду разногласиям народовольцев. Результатом этого научного исследования В. Смирнова стало четкое выявление позиций каждого из авторов этого журнала и журнала «Русское слово», определение места самого Успенского в этом идейном противостоянии. Я лично многое узнал о Салтыкове-Щедрине как человеке, личности, гражданине, воспитателе, еще больше оценил критически-карикатурный эзопов язык его повестей и сказок. Он очень близок мне как негодник негоднику своим остро критическим отношением к тогдашнему общественно-политическому строю России. Главы романа В. Смирнова могут служить образцом научного исследования для начинающих ученых, так что это произведение может иметь еще и статус научного трактата.

Нельзя не упомянуть еще одну особенность романа – его «мэйн стримом» является биография Г.И. Успенского. В связи с этим данный роман является еще и биографическим, он содержит описание всех этапов жизненного пути писателя: история его семьи, его любви, женитьбы, бытовые, чувственные и финансовые проблемы, его бесчисленные поездки за рубеж и по России, его увлечение спиртным и курением, его привязанности и разочарования, взаимоотношения с друзьями и коллегами по перу, его авантюры, течение его болезни, печальный исход. Уверен, ни один биограф до В. Смирнова так точно, объемно, с огромной эмпатией не представил Г.И. Успенского – писателя, человека, гражданина.

В. Смирнов называет свой роман житием, а Глеба Успенского – святым. Действительно, жития составляют обширную часть христианской литературы, это тексты со своими характерными признаками и содержательными параметрами. В житийные традиции входят мотивы и соответствующие приемы изображения святых. Житие пишется по определенным литературным канонам, которые лишь отчасти меняются во времени и в различных христианских традициях в соответствии с их литературным этикетом. Так, например, в них должны обязательно содержаться похвала святому, определенная структура, сочетающая житие с проповедью, в основной

части описываются происхождение святого, рождение его от благочестивых родителей, воспитание, великие деяния и чудеса, праведная кончина, проводится сравнение с другими подвижниками.

Если остановиться на житийной характеристике повествования о Г.И. Успенском, то можно заметить, что в книге В. Смирнова отсутствуют картины детства писателя и его воспитания, никаких чудесных деяний Глеб в жизни не совершал, разве что причудливые деяния: выдавал себя за Константина, потом – за крестьянина: напялив с сподвижником Григорьевым крестьянские зипуны и оставив барские сапоги (оксюморонная внешность), просил в трактире в день святого угодника скоромную еду. Этим они удивили, возмутили крестьян и себя разоблачили.

Чудными были и его взаимоотношения с Бяшечкой: одарив ее пятью детьми, Г.И. Успенский часто оставлял ее без средств к существованию и вынуждал кланчить деньги у их общих знакомых. Может быть, автор относит к чудесным деяниям Успенского тот эпизод, когда, приведя свою семью к глубокой нищете, он выпросил в долг 800 рублей у главного редактора «Отечественных записок» и почти все их отдал первому попавшемуся извозчику на приобретение его семье коровенки. Второе чудесное деяние Г.И. Успенского: выпросил у Салтыкова-Щедрина 500 рублей и, не оставив семье ни копейки, укатил проветриться на юг. Чудными эти поступки называть можно, но чудесными – вряд ли.

В романе более 100 раз упоминаются слова «рюмка», «бокал», «стакан», «водка», «вино» (херес, мадера), названия других напитков – постоянных спутников жизни Г.И. Успенского. С другой стороны, он и канонизирован не был, так почему же тогда у В. Смирнова он святой? Наверное, автор имеет в виду постоянное стремление Г.И. Успенского улучшить жизнь крестьян: во множестве своих статей он мучительно ищет пути достижения этой цели. Ради этого он идет на разрыв со многими своими коллегами и друзьями. Он бурно переживает свои неудачи в стремлении помочь российскому крестьянству, разоблачить несправедливость общественно-политического строя России (даже после отмены крепостного права), его удручает странная «благоразумность» многих кре-

стьянских семей (за исключением красочных описаний жизни семей Ивана Ермолаевича и Ивана Афанасьевича), его эмоциональный интеллект не способен остановить наступление собственного душевного, психического расстройства.

Маниакальные попытки Г.И. Успенского построить в России царство справедливости приводят его в психиатрическую клинику, где он за свои страдания и находит это царство. Все люди для него становятся ангелами, и он, наконец, время от времени испытывает блаженство. Но читатель понимает, что это блаженство виртуальное, тем более, что Успенский из этой виртуальной страны время от времени возвращается в реальную страну, которую он уже не понимает полностью. Я не уверен, можно ли назвать Глеба Успенского святым в полном смысле слова, но мучеником он был и в здравой жизни, и с помутневшим сознанием. Все его странности уже смолоду были симптомами великомученичества, а может быть, именно так и проявляется святость личности?

Тут хочется сделать еще один благодарный поклон в сторону В. Смирнова и назвать не менее важный аспект его произведения – философский. Совершенно ясно, что перед нами яркое историко-литературное и историко-культурное произведение, которое резко контрастирует с современными тенденциями в российской литературе. Если учесть весь вертикальный контекст вербального текста писателя В. Смирнова в этом романе (а наверняка у автора имеется еще громадный ментальный макроконтекст «Жития» Г.И. Успенского), то в метафорическом плане действительно Успенского можно назвать святым, а произведение В. Смирнова – житием этого святого.

Житие святого – это описание не столько его жизни, сколько его пути к спасению. В житии, как в литературном жанре, главное – не литературный прием, а изображение динамики спасения святого через пролагаемый им путь в царство Христово. И таков путь Г.И. Успенского, как это показано в книге В. Смирнова.

Автору удастся сформировать в воображении читателя яркий образ Глеба Ивановича Успенского, и попытка возвести его в ранг святого понятна: нестандартный он был человек, мучился при жизни и пережил свои мучения внешними радостя-

ми: был трудолюбивый («над ним постоянно висел груз срочной работы»), всегда бурно переживал все несправедливости и мерзости, царящие в стране, возмущался чиновничьим произволом, «ходил в народ» за новыми впечатлениями, стремился быть в толпе, собирая материал для своих очерков. Он был прямой и искренний человек, его жизненное кредо – «не хотел писать неправду, не мог написать ее», и в этом была причина его трагического конца.

Напомню, что речь идет о литературном образе Г.И. Успенского в презентации исследователя и писателя В. Смирнова. Был ли его герой на самом деле таким, как им он нарисован в этом многоплановом романе, я не знаю, но полностью доверяю автору. Каким Г.И. Успенский был на самом деле и каким он получился в рецензируемом произведении, судить читателю этой интересной книги. Говорить о нем как о действительно святом можно лишь спустя несколько эпох, и роман В. Смирнова дает толчок этому процессу: в очередь на канонизацию стоит много персонажей, и книга В. Смирнова поставила в эту очередь и Г.И. Успенского. Поблагодарим же Мастера за эту книгу и ждем от него новых, таких же интересных книг.

О.В. ГАДЫШЕВА
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА «СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ»
М.К. АГАШИНОЙ (Волгоград:
Изд-во Волгогр. ин-та
экономики, социологии
и права, 2009)**

Маргарита Агашина. Это имя знакомо почти каждому волгоградцу, но многие ли сегодня читают ее произведения? Я думаю, что на этот вопрос легко ответить. Конечно же, нет. Изменилось время. Чтение уже не является главным в жизни молодежи. У современных читателей другие ценности. Но ничто не явля-

ется постоянным. Мне кажется, что скоро думающий гражданин нашей необъятной страны вновь обратится к книге не только как к источнику знаний, но и как к кладовой чувств, эмоций, настроений. К счастью, такая литература существует. Двухтомник Маргариты Агашиной увидел свет в юбилейные дни (поэтессе исполнилось бы 85 лет) и стал культурным событием для города-героя Волгограда, где вырос и окреп талант наследницы Некрасовской музыки. Инициатива издания первого собрания сочинений известной всей стране поэтессы принадлежит литературному музею, который носит ее имя и открыт 26 февраля 2004 г. в Волгоградском институте экономики, социологии и права. На мой взгляд, данный художественный проект по уровню своего исполнения и значению выходит далеко за рамки регионального масштаба и представляется событием не только этого года, но и последних десятилетий. В советское время произведения Маргариты Константиновны выходили отдельными сборниками, которые не залеживались на полках книжных магазинов. Каждый новый томик ее стихов всегда был желанным подарком в доме, где знали и чтит поэзию.

Первое собрание сочинений Маргариты Агашиной, скорее всего, осталось незамеченным широкой публикой, хотя специалисты, наверное, удивились, что такое издание появилось не в столице, а в провинции. Последним фактом мы, жители города-героя, гордимся, потому что на нашей земле появляются и художественные памятники, достойные всеобщего внимания. Коллективу научных сотрудников музея Маргариты Агашиной потребовались годы подвижнической и бескорыстной работы по сбору, текстологическому исследованию и подготовке сочинений поэтессы к изданию. Впервые на основе архивных материалов дан полный комментарий к художественному наследию М. Агашиной, который относится к истории создания текстов и ко многим упоминаемым реалиям.

В первый том собрания сочинений М. Агашиной вошли стихотворения и поэма «Мое слово» – дипломная работа поэтессы в Литературном институте им. Горького. Начинается первый том